

Текст · 21 июля 2022, 06:32

Ольга Ромашова,

«В одной руке держу иконку, а в другой — корытце со щенками». Как питомники и приюты для животных из Украины пережили первые месяцы войны

Война в Украине идет почти пять месяцев. В результате российского вторжения десятки тысяч людей погибли, миллионы стали беженцами. «Медиазона» рассказывает четыре истории украинцев, которым пришлось спасти не только семьи, но и своих питомцев — десятки собак, кошек, свинью, пони и волка.

Анна Працкова

Питомник *Paradise Club*, Мариуполь

«В доме был маленький погреб, три на три метра. Мы там жили вдвоем с парнем и с 12 собаками», — вспоминает хозяйка мариупольского питомника кавалер-кинг-чарльз-спаниелей и йоркширских терьеров *Paradise Club* Анна Працкова. Война застала девушку в поезде, когда она возвращалась из Киева, где ее 12-летнему псу удалили мочевого пузыря.

До 2 марта в районе питомника еще работали коммуникации, но потом связь и электричество пропали, рассказывает Анна. «У нас просто дикий ужас начался, потому что обстрелы были без конца, и мы уже практически не выходили с погреба, — вспоминает она. — Я не могла собак даже выгуливать.

Они ходили в туалет, я за ними вытирала, убирала, сверху клала одеяло и ложилась спать».

Анна говорит, что собаки не голодали, потому что она всегда покупала корм про запас, но порции с началом войны пришлось урезать в два раза. Перед тем как отключили воду, она наполнила все емкости, какие нашла. В доме была температура всего два градуса, но в тесном погребе собаки ложились спать прямо на заводчицу, так что было очень тепло, добавляет она.

Анна могла бы укрыться в соседней больнице, где был глубокий подвал и генератор, но не захотела бросать собак. Она понимала, что простой погреб для домашних заготовок не выдержит прямого попадания. «Мы то в слова играли, то книжки читали, чтобы просто не сойти с ума. Иначе ты постоянно думаешь о войне, о жизни, о смерти», — описывает она недели, проведенные в подполе.

Уехать Анна смогла только 18 марта: прибежал сосед и сказал, что можно попытаться^[1] выбраться из осажденного Мариуполя в сторону Запорожья. Анна и ее парень погрузили в машину с пробитым лобовым стеклом воду, еду, собачий корм, одеяла и посадили в салон собак.

«Больше 20 блокпостов проехали. Собаки тут спасали немножко. Некоторым выворачивали полностью машины, нам так не выворачивали. На двух [блокпостах] сильно допрашивали, а так в основном пропускали», — вспоминает Анна. Около суток молодые люди добирались до Днепра, где их приютила знакомая заводчица.

В Днепре одна из собак ощенилась. Роды начались в девять часов вечера, когда на улицу нельзя было выйти из-за комендантского часа, а свет запрещено включать из-за светомаскировки. Ветклиники не работали. Роды у собаки оказались тяжелыми и долгими. «Каким-то чудом во время сирены она родила первого щенка в подвале. Мы его вытащили. Остальных нормально уже родила, долго, но, слава богу, сама и все живы», — говорит Анна.

В начале апреля она решила отправиться в Польшу. Девушка признается, что в Днепре ей было страшно из-за постоянного воя сирен и отдаленных взрывов. Анна раньше никогда не ездила на машине на большие расстояния, только по городу. До границы Польши она добиралась одна с остановкой в Хмельницком. На границе пришлось провести около 30 часов: пограничники сочли собак товаром с оккупированных территорий, который запрещено ввозить в Евросоюз. В итоге Анне удалось миновать таможню, сказав, что она едет из Днепра.

Сейчас она занята поисками дома в Польше. Возвращаться в Украину заводчица пока боится. «Я здесь немножечко пришла в нормальное состояние. Ты когда сидишь на этой войне, есть мысль одна: если что-то происходит, надо просто бежать. Мы все видим, сколько людей погибло. Это не от того, что ты не спрятался. Нет, это просто удача, к кому-то прилетело, к кому-то не прилетело. Такая мысль была, что лучше умереть в попытках убежать куда-то, чем сидя на одном месте», — объясняет Анна.

Собаки оказались «суперстрессоустойчивыми» и почти не пугались взрывов, добавляет она. «У

некоторых заводчиков йорки поумирали во время взрывов. У меня мальчик-йорк, когда обстрелы шли, ложился, упирался носом в стенку и вот так лежал, — рассказывает Анна. — А остальные просто вели себя как обычно».

Она добавляет, что после эвакуации из осажденного Мариуполя ей пришлось остричь йорка с длинной «выставочной» шерстью — его было невозможно расчесать. Кроме того, из-за пыли в погребе у собак воспалились глаза. «В войне каждый спасает то, что ему дороже всего, — говорит Анна. — Мои собаки были для меня дороже всего. Слава богу, что удалось их всех абсолютно вывезти и все выжили».

Валерий Уваров

Питомник *Santa House Feldman*, Харьковская область

«У двух собак не было видно видимых поражений осколками. О вскрытии речь не шла, но я как специалист могу вам сказать, что 99% это были инфаркты. Собаки погибли от неожиданных взрывов, к которым они, ясное дело, не привыкли. Они с детства росли в лесу, где поют птички», — рассказывает директор питомника молоссов *Santa House Feldman* Валерий Уваров из Харьковской области.

Перед войной, полгода назад, там жили примерно 160 собак, уточняет Валерий. Сейчас питомник эвакуировали в Полтавскую область, а молоссов осталось всего 40, многих пришлось раздать. Около

десяти собак погибли: кто-то от осколочных ранений, у кого-то остановилось сердце.

Иллюстрация: Наташа Шпак / Медиазона

Чтобы попасть в питомник в разгар боев на Харьковщине, нужно было около трех километров идти пешком по заминированной местности под обстрелом. Все коммуникации вышли из строя на третий-четвертый день вторжения: не было ни электричества, ни воды, ни тепла. Следить за животными продолжали всего двое работников питомника. Собак не выпускали из зимних вольеров в переоборудованном коровнике. Это было правильное решение, объясняет Валерий, почти все летние вольеры оказались уничтожены при обстрелах.

«Холод и голод», — кратко говорит он об условиях, в которых жили собаки. Они были сильно обезвожены, потому что «воду брать было просто негде».

Через какое-то время Валерий отправил в питомник мастера, чтобы тот починил водопровод. В ту же ночь в дом, где он ночевал, попал снаряд. От здания не осталось даже фундамента, утверждает Валерий, а раненого работники несли на руках до автомобильной дороги.

В питомник заходили российские военные, но собак они не тронули. «Когда первый раз или второй заходили, достаточно лояльно отнеслись. Потом было не очень весело, если честно. Может быть,

молодые пацаны хорохорились и им надо было показать что-то, я не знаю, но [работники] на коленях стояли и мордой в грязи лежали», — рассказывает Уваров.

Он говорит, что питомник долго не эвакуировали, хотя корма туда приходилось носить пешком, но потом обстрелы заметно усилились. «Начали гибнуть собаки, человека ранило», — добавляет он. Эвакуацию начали примерно на 50-й день войны, она заняла около недели и часто прерывалась из-за обстрелов.

«Я когда первый раз пришел туда сам и мы выводили первых [собак]... Мне под 60 лет, у меня слеза навернулась — у мужчины, прожившего жизнь. У меня не то что навернулась, а текли слезы, — вспоминает Валерий. — Я бы даже не сказал, что это слабость, потому что это животные, и ты понимаешь, что сами они себе никак не помогут».

Некоторые собаки к тому моменту совсем обессилели. «Там спуск вниз и подъем вверх. И вот спуск преодолевали все животные, а наверх идти могли не все. С некоторыми шли просто с частыми остановками, а некоторых пришлось нести на руках», — говорит он и добавляет, что сейчас собаки понемногу приходят в норму.

Питомник *Santa House Feldman* расположен по соседству с «Фельдман Экопарком» — частным зоопарком, созданным в 2011 году на деньги влиятельного харьковского предпринимателя Александра Фельдмана. До войны там на

территории в 240 гектаров жили около 300 видов животных, работали программы реабилитации и возвращения в дикую природу. Экопарк, оказавшийся на линии фронта, значительно пострадал в первые месяцы войны. Погибли шестеро волонтеров и десятки животных, остальных с трудом эвакуировали.

Анна Кодацкая

Питомник *Frantsuzkiy Potseluy*, Степанки, Харьковская область

Всего в питомнике у Анны было около 30 мопсов и бостон-терьеров. За два дня до российского вторжения у одной из собак родились щенки. 24 февраля заводчица, как обычно, проснулась в пять утра, чтобы подложить щенков под мать для кормления, и тут услышала взрывы.

«Я сразу поняла, что это война», — вспоминает она.

На второй день в доме пропали газ и электричество, без которого не работали водяные насосы. Бензин для генератора приходилось экономить, но запас кормов для собак в питомнике был. Анна и ее муж не захотели бросать дом, который обустроивали 13 лет. Месяц они жили под постоянными обстрелами — в районе Степанков шли тяжелые бои.

«У меня два помета щенков было, они росли под маленьким фонариком, под обстрелами. Я лежу ночью, одной рукой держу иконку с Матронушкой,

молюсь, а другой — корытце со щенками.

Практически ночью мы не спали», — вспоминает Анна. Она говорит, что один бостон-терьер начинал скулить перед обстрелом, как будто предчувствуя его приближение, а остальные собаки оказались с «железным характером».

В начале марта муж Анны поехал на микроавтобусе в Харьков за бензином. Она называет путь в районный центр «дорогой через Ладогу», потому что его постоянно обстреливали. Вернулся домой муж в колонне российских танков.

«Все трясется, дом трясется, все гудит, я не могу понять почему. Я стою на ступеньках и вижу: едут танки. Первый танк идет, второй, и в колонне танков едет маленькая серая машинка», — говорит заводчица.

Анна рассказывает, что однажды к их дому подъехал российский танк и уперся дулом орудия в ворота. Танкист спросил у нее, как проехать на Малую Рогань. В поле возле дома, по ее словам, в этот момент стояла огромная колонна российской техники: танки, «Уралы», БТРы. «Я говорю: "Если сейчас вас начнут расстреливать, от нашей улицы ничего не останется". А он мне: "Так вас же ваши расстреляют". Что я им скажу? Что из-за вас бой будет здесь идти?» — пересказывает Анна диалог с танкистом.

27 марта ее двор обстреляли. «Танк выстрелил прямо к нам во двор. Он пробивал, наверное, есть ли в Малой Рогани техника наша», — предполагает Анна.

Это был первый раз, когда она с мужем спряталась в погребе. К вечеру выстрелы стихли, и супруги начали

собираться, чтобы уехать из поселка. Они сели на кухне погреться, и в этот момент на угол крыши над котельной прилетел снаряд.

«Взрыв такой был, что я не знаю, как кто-то остался живой. За секунду влетели все окна, все двери внутрь дома. Муж упал под стол и не отзывается. Я испугалась, что его убило. Потом он отозвался, и мы тихонечко быстро-быстро в погреб», — вспоминает Анна.

До рассвета они просидели в погребе, не зная, выжили ли собаки. В шесть утра, когда заводчица обычно выводила их погулять и в доме стоял лай, было тихо. Животные выжили, но были сильно напуганы. Анна и ее муж решили уезжать через Ольховку, хотя накануне там расстреляли их соседей, которые пытались эвакуироваться.

Супруги вытолкали микроавтобус из разрушенного гаража и с трудом его завели. Российские военные сказали, что на эвакуацию у них час, вспоминает Анна. «Я боялась, что мы по [Украинской улице] не выедем, там битая техника, танки, гражданские машины. Трупы солдат российских лежали, оборванные столбы, провода. Я говорю: "Мы не выедем". Он говорит: "Я проеду"», — вспоминает женщина.

Им удалось выбраться в Полтавскую область.

Иллюстрация: Наташа Шпак / Медиазона

Ева Кузьмина^[2]

Харьковская область

«У нас был приют для животных, попавших в беду из-за человека. У нас были те, которых называют непристраиваемыми: спинальники^[3], семь хвостиков, и старые животные», — рассказывает хозяйка приюта-^[4] Ева. У нее жили больше 80 собак и кошек, свинья Фрося, пони Сахарок и старый волк Вовчик, которого выкупили с притравочной станции.

В мирное время Ева и ее муж каждый день варили по 80 литров каши с мясом, чтобы накормить животных. В первый день войны у них пропали электричество, вода и отопление, вскоре отключился газ.

Ева вспоминает, что труднее всего было ухаживать за собаками-спинальниками, которые не могли самостоятельно сходить в туалет: стирать одеяла и пеленки для них было негде. «Все, что у меня было, даже наше постельное белье, пошло в ход. Когда закончились памперсы, тогда я поняла, что все это всерьез», — говорит она.

Российские войска захватили населенный пункт, где находился приют Евы, уже в первые дни войны. «Летело и с одной стороны, и с другой стороны, мы были как между молотом и наковальней», — вспоминает она. Крыша и забор были все «в дырочку». Одну собаку во дворе навывлет ранило осколком. Пони умер «от разрыва сердца» из-за обстрелов.

Связи не было, и Ева включала телефон один раз в день, чтобы позвонить родственникам и сказать, что она жива. Однажды до нее дозвонилась дочь ее знакомой зоозащитницы. Узнав, в каком положении находится приют, та нашла волонтеров из России, которые прислали Еве гуманитарную помощь. Девушки долго убеждали семью эвакуироваться.

Ева и ее муж отказывались, но в апреле обстрелы усилились, и 27-го она все же выехала в сторону России с 11 животными, «самыми маленькими и самыми болезненными». Муж присматривал за оставшимися и смог присоединиться к ней только в конце июня.

Ева говорит, что украинские волонтеры помогли перевезти их волка в Германию, спинальников забрала девушка из Ирпеня, а собак разобрали приюты по всей Украине. «Политика политикой, а те, кто с доброй душой, им без разницы, кого, где, с каким паспортом спасать. Есть просто милосердие, которое не привязано ни к одной национальности», — уверена она.

Ева рассказывает, что ее животные, пережив обстрелы, стали бояться громких звуков. «Мы когда сюда приехали, здесь были сильные дожди, молнии, грады, громы. Те животные, которые со мной приехали, подбегали ко мне, прятались возле меня, смотрели в глаза, и в их глазах было только одно: "Мама, это опять началось!". Поджимали уши, дрожали, как осиновые листочки», — говорит она.

Ева признает, что часть знакомых не простили ей эвакуацию в Россию. «Осуждение было от тех, кто не

был в такой ситуации, кто не слышал свиста пуль, кто не знал, что такое — только вспоминать вкус хлеба в наше время, в XXI веке», — рассуждает она.

С неприязнью ей пришлось столкнуться и в России. Таксист, узнав, что пассажирка недавно приехала из Украины, сказал: «Так вам и надо».

Впрочем, потом водитель передумал и извинялся, уточняет Ева. «Когда мы подъехали к нашему дому, он сказал: "Вы меня извините, я действительно неправ. Простите меня, пожалуйста, давайте я вам помогу поднести сумки"», — вспоминает она.

Сейчас семья обустраивается в маленьком домике, который нашла сестра Евы.

«С того момента, как я приехала сюда, у меня было 11 животных. Сейчас у нас уже плюс семь собак и плюс один еще котик. Так что продолжаем спасать мир», — говорит она.

Редактор: Дмитрий Ткачев

-
1. По данным украинских властей, в этот день из Мариуполя по гуманитарному коридору через Мангуш и Токмак в сторону Запорожья выехали 4 972 человека.
 2. Имя изменено по просьбе собеседницы «Медиазоны».
 3. Собаки с парализованной задней частью тела.
 4. Его название и точное местоположение не приводятся по просьбе хозяйки.